

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.352.31

О начальном этапе становления письменного языка адыгов

Гишев Н.Т. – академик АМАН

Адыгейский язык относится к младописьменным, то есть письменность у адыгов появилась для всего народа лишь в 1918 г. До этого были записаны адыгейские лексемы на арабском, латинском, греческом, русском алфавитах различными путешественниками, торговцами, религиозными деятелями, военными, любителями истории и обычаев горских народов, в том числе и черкесов-адыгов. Первые записи адыгских слов, по нашим данным, начинаются с 520-х годов до нашей эры [1]. Так **Скилак Кориандский** (512-482 гг. до н. э.) записывал отдельные топонимические и племенные названия предков адыгов; **Страбон** (60-20-е годы до н.э.) описывал племена адыгов и их географическое расположение с указанием площади, занимаемой каждым из племен), **Плиний** (23-79 гг. н.э.) упоминает о народах *джибги* или *сильвы* (возможно *джих-зихи*), Дионисий (II в. н.э.) отмечал о *синдах*, киммерийцах, ахейцах, гениохах и зихах, живущих вблизи *Евксина* (Черное море), Прокопий Кесарийский (V-VI н.э.) отмечал *зихи*, *сагиды* и *абасхи* (*абазины* или *абхазы*), находящиеся у Меоидты (*Азовское море*), в IX в. Ибн-Халуин употреблял уже слово *черкес* – «*черкесы* могущественнее всех», в 945-959 годах н.э. византийский Император Константин Багрянородный писал, что область *Зихия* расположена на рукаве Черного моря близ реки **Кубани** (Укруха) и реки Никописис – близ Джубги. Дальше идут записи турецкого путешественника Эвилия Челеби (Эвли-Эфенди), где используется множество адыгских лексем разного характера. Эвилия Челеби гостил у черкесов-адыге в 1641-1642 и 1666-1667 годах и о своих наблюдениях написал книгу – «Книга путешествия». В последующие годы адыгские слова фиксировались многими европейскими авторами в своих записях и книгах. С характеристикой записей адыгских лексем европейскими авторами можно ознакомиться в приводимой нашей книге [1, с. 12-34].

За ними даются характеристики лексем используемые в книге С. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским» (М., 1823 г.), где даются не только географические и исторические лексемы, но и о языке, быте и обычаях адыгов. В данной книге автор использует названия рек, населенных пунктов, племен, собственных имен и фамилий, названия национальных блюд и напитков, названия гор, минеральных источников и т.д.

О письменности и науке адыгов С. Броневский писал следующее: «Черкесы своих письмен не имеют. По принятии магометанского закона обучаются арабской грамоте и пишут арабскими буквами, татарским наречием, называемым Тюркю, второе весьма употребительно у черкесов; но для изображения собственного своего языка сии буквы признают недостаточными, по причине множества согласных двузвуковых букв наподобие: **пш, ч (кI), щ (шъ), дз, дж**, затрудняющих выговор черкесского языка. По образу жизни и воспитанию своему, черкесы не имеют охоты к учению ... однако, судя по врожденной понятливости и остроумию, примечаемым в черкесах, должно быть, что в непродолжительное время они могли бы поравняться с просвещеннейшими народами ... » [2, с. 141]. Далее Хан-Гирей, Л. Люлье, Шора Ногма, Умар Берсей и другие расширяют круг адыгских-черкесских лексем в своих книгах, учебниках, словарях, букварях и т.д. Хан-Гирей доказывал возможность создания письма для адыгов. Он считал, что дело создания письменности должно быть поставлено на государственный уровень, ибо

невежество подавит старания отдельного человека в этом деле.

Шора Ногмов писал об адыгейском языке следующее: «Язык адыгейский или, говоря понятнее, язык кабардинский почитается благороднейшим, первейшим по богатству понятий и форм между разноголосыми наречиями кавказского народонаселения» [3]. Л. Люлье отмечал в своем труде «Словарь русско-черкесский или адыгский, с краткою грамматикою сего последнего языка» (Одесса, 1846 г.) о том, что к черкесам (адыге) относятся все племена, «живущие на северном скате Кавказского хребта и на равнинах Кубани» начиная от Моздока до крепости Анапы, и отсюда по южному скату хребта, вдоль восточного берега Черного моря до земли убыхов». К этим племенам Л. Люлье относил следующие: кабардинцы – большой малой Кабарды, басленейцы, мохошцы, темиргойцы (кемгуй), жанеевцы (жанэ), гатюкайцы, черченейцы и хамишейцы, известные также под общим названием бзедух, абадзехи, шапсуги, натухажцы (нодхадж). Однако, как отмечает Л. Люлье, другие народы, живущие на северном скате Кавказского хребта, кроме своего языка, владели также черкесским языком. К ним он относил: Абхазского происхождения – басихы или абазинцы Алтыкесек, башилбай, там, шагирай, Казилбек или Казбек, Багг, Баракай. Татарского происхождения – нагойцы, карачаевцы, шигиемцы, балкарцы. Народы, живущие на южном скате Кавказского хребта, убыхи (отдельный народ), племя Джигетов, Садзены (незначительное количество князей и дворян) также говорила на черкесском (адыгском) языке. Исходя из такого положения дел, Л. Люлье приходит к выводу о том, что «Черкесский или адыгский язык есть общеупотребительный язык, но в каждом племени он имеет свои оттенки». Здесь же Л. Люлье дает характеристику убыхскому языку, как занимающему среднее положение между черкесским (адыгским) и абхазским языками и подлежащему исчезновению в недалеком будущем в силу использования большинством народа черкесского и абхазского языков.

Как писал Л. Люлье, его удивлял грамматический строй адыгского языка, богатство глагольных форм, выразительность языка в целом. Леонтий Люлье приходил к выводу о том, что адыгейский язык вполне заслуживает научного исследования и предполагал, что научные результаты его исследования могут явиться связующим звеном между разными языками стран востока и Европы. Л. Люлье разделяет адыгейский (черкесский) язык на кабардинский, бесленеевский и черкесский (т. е. адыгейский). При этом Л. Люлье отмечал, что «бесленеевцы, происходя рядом от кабардинцев, но отделившись от них будучи по топографическому их положению в сношениях частых и близких с адыгейцами, изменили наречие свое, и составляют если можно сказать, середину между кабардинским и общим черкесским наречиями ...».

В своей грамматике – приложение к словарю, Л. Люлье дает адыгейскую азбуку на русской графической основе. Состоящую из 31-ой буквы русского алфавита. Звуки, подаваемые в таблице, как он сам писал, сохраняют русское произношение. Все буквы (звуки) адыгейского языка им делятся на гласные и согласные. К ним добавляются специфические звуки адыгейского языка. Гласные звуки Л. Люлье делил на твердые (а, о, у, ы, ь (?)) и мягкие (я, э, е, ю, и, і, ь). Согласные по произношению делятся на гортанные (г, к, х); гортанные помягче (л, н, р); гортанные с помощью зубов (ж, ч, ш); свистящие (з, с); с помощью зубов (д, т); с помощью языка (ц); на губные (б, в, м, п, ф). По определению Л. Люлье, – **язык** – это соединение многих слов, которыми излагаются свои мысли. **Слово** – это соединение нескольких слогов. Слово, состоящее из одного слога называется **одно-сложным**; **слог** состоит из одной гласной буквы, или из гласной в соединении с другими гласными или согласными, составляющие один звук при произношении.

Любое слово языка является частью какой-либо речи. Л. Люлье в адыгейском языке

отмечает восемь частей речи: 1) имя, 2) местоимение, 3) глагол, 4) причастие, 5) предлог(!), 6) наречие, 7) союз, 8) междометие. Из этих частей речи, адыгейский язык лишен **предлога**, его следовало бы назвать **послелогом**. Часть речи **имя** разделяется на **существительное и прилагательное**.

Имена существительные делит Л. Люлье на собственные (**Пшизе** «Кубань, **Индар** «Волга»); **общие** цыфы «человек», тхыль «книга»; **мэзы** «лес», **уотэрь** «стадо»). Здесь же отмечал Л. Люлье отсутствие категория рода в адыгейском языке, наличие двух чисел (цыфы, (ед.ч.) цыфы-х (мн.ч.), по аналогии с русским языком – семь падежей: им.п., род.п., дат.п., вин.п., зват. п., творит. п., предл. п.

Л. Люлье выделял в местоимениях восемь разрядов: *личные* (сэ), *возвратные* (зе), *указательные* (мор), *притяжательные* (си), *относительные* (сыдым фэды (какой), *вопросительные* (хэт? «кто?», тара? «какой?». Хэт ий? «чей?»); *определятельные* (моры, ары, арыдэд «самый, этот самый»); *неопределятельные* (зыгорэ «некто» или «нечто», шъхъ-адж «каждый»). Л. Люлье уделяет большое внимание части речи **глагол**. Он выделяет **действительные** глаголы (шымэ **яо**, «бьёт лошадей»), **возвратные** (Ар камыщкІэ **зэо-жбы** «он бьет себя плетью»), **взаимные** «ЗэблэгъитІумэ ІапІІ **зэрацэкІы**, «оба друга **обнимаются**»); **средние**, которыми выражаются действие предмета, не переходящее на другой предмет (хъар *щылъ* «собака лежит»), **сложные**: а) простые: спрягаются с помощью глаголов *сэшІы*, «делаю», *сэху* «делаюсь»); б) **предложные** с присоединением к глаголам предлогов или частиц (**дэ, и, къэ, пэ, хэ, те, чэ, фэ** (дэ-сэ-щы «увожу», **и-сэ-кІуты** «проливаю», **къэ-сэ-хы** «отношу», **те-сэ-убгъо** «накрываю»); **неопределенные**: они употребляются только в 3-м лице а потому можно назвать их безличными (нэф къэшгы «светает»).

Спряжение адыгейского глагола характеризуется Л. Люлье изменением по *временам, числам, лицам и наклонениям*. Он выделяет три времени: *настоящее-сэкзутэ* «колю», прошедшее несовершенное *прошедшее – скзутаггэ* «колотл», и *совершенное прошедшее – скзутаггэггэ* «калывал», *будущее-скзутэн* «буду колоть»; **два числа: единственное – сэкзутэ** «я колю», **окзутэ** «ты колишь», **екзутэ** «он колит», **множественное – тэкзутэ** «мы колем», *шзокзутэ* «вы колите», *акзутэ* «они колят»; **три лица сэ-кзутэ** «я колю», **о-кзутэ** «ты колешь», **е-кзутэ** «он колет»; **тэ-кзутэ** «мы колем», **шъо-кзутэ** «вы колете», **а-кзутэ** «они колят»; **четыре наклонения – изъявительное: мгновенное – сэкІо пэт** «иду только что ... », **повелительное шІур** лэжы «добро твори», **условное – сыкІони** «я пошел бы», **сыкІуагъземэ** «если бы я прошел»; **неокончательное – кзутэныр** «колоть».

Леонтий Люлье выделяет **причастие**, как часть речи, обозначающее качество предмета движущееся или действующее – кІорэр «идуший».

Деепричастие, по мнению Л. Люлье, является наречием, происходящим от глагола – *гущыІэзэ лаггэ* «разговаривая умер».

Адыгейские послелогом приравниваются Л. Люлье к предлогам – **гъунэгъумэ адэжь сыщыІагъ** «находился у соседей». **Наречие**, как неизменяемое слово, Л. Люлье относит к частям речи. Оно образуется от прилагательных с добавлением к основе гласной – **эу+лээш** «крепкий», «сильный» – **лээш+эу** «крепко», «сильно». Союз, как неизменяемое слово, выделяется в качестве части речи, которое служит для соединения одного слова с другим или одного предложения с другим предложением – *оры-кІи, сэрыкІи* «и для тебя, и для меня».

Междометие выделяется как неизменяемая часть речи, служащая для выражения состояния души – *марджэ!* «призыв», *ай, уэй! хбуггэ!* «хватит!».

Последующие исследователи адыгейского языка отметили недостатки или неточности в «Краткой грамматике ...» Л. Люлье, но все же его труд используется последователями, внося соответствующие изменения, заменяя термины или понятия, несоответствующие действительному положению дел в данном языке.

Значительным событием в истории просвещения адыгейского народа явился выход в свет «Букваря черкесского языка» Умара Хапхаловича Берсея в Тбилиси 14 марта 1853 году. Данный букварь состоит из четырех уроков. На первом уроке рассматривается 46 букв, состоящий из 28 арабских букв, 4-х персидских и 14 букв, комбинированных самим автором. Гласные звуки передаются с помощью диакритических знаков. Название букв передается русским письмом и произношением. В конце данного урока дается образец адыгской поэзии.

Во-втором уроке разъясняется произношение звуков в начале, в середине и в конце слова – *Талъын* «перстень», *щыГагъ* «терпение», *щыI* «есть» или «существует», *ар* «он» или «это», *Абын* «название речки», *бэлэрыггэ* «невнимательный» или «прозевал», *пагэ* «гордый», *пIэ* «постель», *гъолъынIэ* «ложе» и т.д.

Урок № 3 посвящается гласным и другим знакам, определяющим произношение. Умар Берсей в адыгейском языке выделяет «шесть гласных звуков и соответственно шесть звуков», из которых «три простых и три сложных». К простым он относит звуки **а**, **э** в словах *Iазэ* «ремесленник», «лекарь», «мастер»; **и** – *щыбъжъый* «перец», **у** – *гъунджэ* «зеркало». К сложным звукам (знакам) он относит *уа* или *уэ* – *гъуэйщай* или *гъуещай* «нездоровый», *гъуазэ* «проводник»; *уй* – *пхъуйтIу* «две дочери», *къуйщ* «три сына»; *ьу* – *чIыгу* «земля».

Четвертый урок У. Берсей посвящает грамматическим вопросам. Он выделяет вопрос об определенных и неопределенных членах. По мнению автора, показатели определенных членов **-р** и **-м** ставятся в конце имен существительных и прилагательных – *бланэ* «олень» (неопределенное имя) – *бланэр* или *бланэм* (определенное имя) – *бланэр мзыым хъхъаъжъыгъ* (известный «олень достиг леса», *бланэм сыжIэхъагъ* (известного оленя я достиг или догнал). Зависимость появления **-р** или **-м** от характера глагола У. Берсей ничего не говорит.

Правильное, закономерное сочетание имен существительного с прилагательным в адыгейском (черкесском) языке впервые отметил Умар Берсей – *пшъэщгэ дахэ слъэгъуэгэ*. Я видел «прекрасную девушку». Как показывает автор, за существительным обычно следует прилагательное – *пшъащгэ* «девица», *дахэ* «прекрасная».

В качестве неопределенного члена отмечается числительное **зы**, которое ставится перед именем – **зымафэ** «в какой-то день». Умар Берсей пишет, что в черкесском языке – один род, т.е. язык не имеет категории рода. Для разграничения мужского и женского родов, черкесы используют лексические слова или показатели *кзо* или *шгао* «сын» и *пхъу* «дочь», когда речь идет о разумных существах, а когда говорят о неразумных существах к слову прибавляется *хъу* «мужской» и *бзы* «женский». Умар Берсей отмечает также два числа в черкесском языке – единственное (*анэ* «стол») и множественное (**анэх** «стола»). Автор касается и вопроса о падежах, но он выделяет те же семь падежей, что и Л. Люлье.

В своем букваре Умар Берсей впервые отмечает отсутствие звука (буквы) **в** в адыгейском языке, впервые называемый им *кIэхабз* «нижний» в отличие от кабардинского и бесленейского наречиях (*жъуагво* – *вагво* «звезда»).

Выдающийся просветитель горских народов П.К. Услар не обошел своим вниманием адыгский (черкесский) народ и их язык. П.К. Услар глубоко и всестороннее вникал в

характер и жизнь горцев, о которых он писал следующее: «Горцы весьма любопытны, весьма жадны до новостей. В каждом ауле проезжего человека приютят, накормят и обогреют. За это даровое гостеприимство расплачивается он новостями» [4:8]. Этим самым П.К. Услар подчеркивал способность горцев от природы к восприятию письма и грамоты и подчеркивал о том, что горцами давно осознано необходимость создания письменности на родном языке. В подтверждение сказанного он приводил слова Шоры Ногмова: «При печати труда моего сердечное убеждение говорило мне, что придет время, когда в душе грубого горца вспыхнет чудное чувство, светильник жизни, любовь к знанию. Ударит и для нас час, когда мы все примемся за грамоту, книги и письмо» [4:20].

П.К. Услар составлял целую программу для просвещения горских народов, куда включались следующие пункты: а) практическое усвоение русского языка; б) умение свободно читать и писать как по-русски, так и на родном языке; в) ознакомление с русской жизнью и возбуждении теплого к ней отношения; г) способность понимать, что значит наука, какого бы рода она ни была, и как за нее следует приняться; д) охота к чтению и ощущение необходимости образовывать себя [4:35-36]. Осуществление этой обширной программы, по предположению П.К. Услара, дело будущего, т.е. «осуществление её действительно создаст новое поколение передовых людей на Кавказе, которые сделают здесь то, что не в состоянии сделать ни штыки, ни деньги, ни почести» [4:36].

Далее П.К. Услар характеризует буквы (звуки) черкесского языка как самых трудных в мире и дает буквы (звуки) с относительной характеристикой их произношения, сравнивая их произношения со звуками европейских, грузинского и других языков. Рассматривая фонетическую систему черкесского языка, П.К. Услар выделяет дифтонги – **оа**, **о** – *кбуаджэ* «деревня», **ое** – *Торжзор* «болтун», *жъауэ*, «ть», **оу** – с ударением на **о** – *шъоу* «мед»; **уу** – *куур* «глубокий», **у** – *ошгу(ы)* «хорошая погода».

Он также дает черкесский алфавит в количестве 43 букв на основе (в основном) русской грамматики [4:34]. Затем П.К. Услар дает преданий черкесов, описания Кубанских аулов, записи отдельных слов в виде словаря, состоящего приблизительно из 600 слов.

И наконец, хочу привести высказывание П.К. Услара относительно богатства горских языков и, в том числе черкесского языка. «Мнение о бедности этих языков совершенно ошибочно и проповедуется людьми, которые не имеют о них никакого понятия. Эти языки, наоборот, неимоверно богаты грамматическими формами, которые доставляют возможность выражать самые тонкие оттенки мысли» [4:28]. Барон П.К. Услар мечтал создать серию монографии с охватом всех основных языков Кавказа, а потом заняться их анализом в историко-сравнительном плане. Об этом говорят его высказывания относительно адыгейского языка: «Много собрано неразработанных материалов для языка адыгского ...» [4:28]. Дальнейшее изучение адыгских языков истолковываются на научной основе лингвистической науки. Однако терминологический аппарат, используемый первопроходцами становления письменности, создателей орфографических правил и других новых понятий письменного языка в условиях необходимости скорейшей ликвидации безграмотности адыгского народа, допускал много терминов иноязычного происхождения. В первом для адыгейского языкознания научном труде «Краткая грамматика адыгейского (кяхского) языка для школы и самообразования» (Краснодар, 1930 г.) Н.Ф. Яковлева и Д.А. Ашхамафа отмечается вопрос о правильном использовании термина **адыгэ**. Во «Введении» данной книги отмечается, что «поскольку термин адыгэ является общенациональным и для верхних и для нижних черкесов и соответствует русскому термину **черкес**, то они [авторы] будут пользоваться терминами кяхский [5]; (впервые употреблявший У. Берсеем), или нижнечеркесский, кабардинский, или верхнечеркесский

язык» [6:13]. Вообще Д.А. Ашхамаф скрупулёзно относился к использованию терминов в новом адыгейском письменном языке. В своей работе «О принципах построения адыгейской орфографии», доложенной им на пленуме Северо-Кавказского комитета нового алфавита в июне 1933г., Д.А. Ашхамаф писал, что «вопрос об оформлении интернациональных терминов является одним из важнейших вопросов национальной орфографии, который должен быть разрешен с учетом перспектив дальнейшего развития вновь создаваемых, оформляющихся литературных языков, с учетом максимального, по возможности, сближения этих терминов на письме в языках народов СССР с сохранением их интернационального оригинала» [6:49]. Именно стремление к максимальному сближению орфографического оформления новых терминов с тем, как они передаются в других языках народов СССР, в какой-то степени способствовало развитию множества иноязычных терминов в адыгейском языке. Однако, при этом Д.А. Ашхамаф требовал усвоение терминов не механическим путем, а чтобы соответствовало структуре адыгейского языка. В виду того, что в исторически короткие сроки создавали письменность и вносила грамотность в сжатые сроки, то почти невозможно было остановить массового заимствования не только иностранных терминов, но и русских, отражающих понятия современных исторических, социальных, экономических, технических терминов. В то время, как представляется ныне, развитие языка шла экстралингвистическими причинами, а не только лингвистическим путем. Сам Д.А. Ашхамаф писал об этом в предисловии адыгейского орфографии следующее: «На основе огромных успехов социалистического строительства, развития культуры ... богаче делается адыгейский язык и входит в него все больше интернациональных, новых советских слов-новообразований» [6:76]. Далее Д.А. Ашхамаф отмечал, что «при написании новых интернациональных и советских слов мы ориентировались на сохранение их русской орфографической формы ..., имея ввиду, что учащиеся адыгейцы, проходя русский язык, будут изучать те же слова и в русской орфографии. При этих условиях и при единстве алфавита недопустимо было создать искусственное расхождение между русской и адыгейской орфографической формой этих слов» [6:76-77].

Кроме общественно-политических терминов Д.А. Ашхамаф вводил в адыгейский язык много новых слов по литературе и культуре адыгов и особенно много лингвистических терминов. В первой научной работе – «Краткой грамматике адыгейского (кяхского) языка для школы и самообразования», – написанной совместно с профессором Н.Ф. Яковлевым, Д.А. Ашхамаф обозначил много лингвистических терминов по синтаксису адыгейского языка – повествовательное предложение (къэзыІотэрэ гущыІэухыгъ), вопросительное (упчІэ), восклицательное (Іэтыгъэ), сложное (зэхэлъ) гущыІэухыгъэхэр, предложения, личных (шъхъэ зыхэт), безличных (шъхъэ зыхэмыт) предложений. Названия органов речи, а также частей речи (бзэгу, чыишъхъ, бзэм хэт гущыІэхэр); разделительных знаков (запятой, точк, точкэрэ запятойрэ, тире) и т. д. В своих работах Д.А. Ашхамаф особое внимание уделял вопросам создания новых терминов и составления терминологических словарей. Он писал о своих трудностях по вопросам создания терминологии следующее: «Особенно большие трудности мы встречаем в создании новых терминов, передаче на национальных языках тех понятий, которых нет в этих языках» [6:134]. В силу этого, Д.А. Ашхамаф оставлял для адыгейского языка большинство международных и русских терминов, уже известных и ставших интернациональными. Он, в принципе, был противником искусственно выдуманных терминов, ибо «искусственно выдуманные или подыскиваемые из национального слова для новых понятий, сплошь да рядом затушевывают понятия, имеющиеся определенное классово-политическое или экономическое содержание» [6:136]. Он приводил примеры, где действительно затушевывали понятие

термина. Например, слово «экономика» – переводился на адыгейский язык словом «унэ-гъо мылькы», означающим буквально: «имущество двора, семьи». Таким образом смыслом этого термина» [6:136]. Наряду с такими явлениями, Д.А. Ашхамаф «в практике языкового строительства осуждал недооценку национального языка», стремление под лозунгом бедности и некультурности национальных языков перенести в них всю терминологию из русского языка со всевозможными окончаниями ...» [6: 137]. Он приводит следующие примеры: «коммунистически партым» вместо «коммунист партым», «культурный революцам» вместо «культурнэ революцам» и т.д. И как он писал в работе «Литература на родном языке за 10 лет», «отдельные переводчики-авторы, не останавливаясь на обработке терминологии и, не задумываясь, употребляли для недостающих терминов все русские слова, которые им более привычны, занимались «изобретательством» никому, кроме авторов, непонятных искусственных терминов» [6:142]. Эти опасения и замечания Д.А. Ашхамафа существуют и в наши дни не только у простых людей, т.е. не филологов-лингвистов, но и у дипломированных филологов. Однако, необходимо отметить, что основные его положения по вопросу терминологии не утратили своего значения и в наши дни, потому что Д.А. Ашхамаф не только теоретически выработывал принципы подбора или построения терминов, но и сам создавал много терминов, получивших признание и практическое использование.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гисев Н.Т.* От первых записей слов до начала научного изучения адыгейского языка (520 г. до н.э. – 1920-е годы н.э.). Майкоп. 2009. 159 с.
2. *Броневский С.* Новейшие географические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М. 1823. С. 141.
3. *Ногмов Шора* Начальные правила Кабардинской грамматики. 1843
4. *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Тбилиси. 1887. С. 8.
5. *Берсей Умар* Букварь черкесского языка. Тбилиси. 1853.
6. *Ашхамаф Д.А.* Избранные работы. Майкоп. 1997. С. 13.

ABSTRACT

The article analyzes the works affecting vocabulary, grammar and history of the initial stage of the formation of writing among the Circassians. It mentions publications **Coriander**, **Strabo**, **Pliny** – I century B.C.; **Dionysius** – II century A.D.; **Caesarean** - V-VI century A.D.; **Ibn-Khaluin**, **Konstantin Bagryanorodny**, **Evelia Celebi** – XVII century, **Seeds of Bronevsky**, **Khan-Girey**, **Shora Noglyuva**, **Leonty Lulie**, **Umar Bersei**, **P.K. Uslara** – XIX century; **N.F. Yakovleva** and **D.A. Ashhamafa** – XX century. The difficulties of creating alphabets, spelling rules and establishing terminology, many of which are still problematic, are discussed.

Keywords: young-written languages of the Circassians, on the initial territorial unity of the Circassians, their division into Eastern and Western, the development of language and literature among the Eastern and Western Circassians.

© N.T. Gishev, 2019

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются работы, затрагивающие лексику, грамматику и историю начального этапа становления письменности у адыгов. В ней упоминаются публикации **Кориандского**, **Страбона**, **Плиния** – I век до н. э.; **Дионисия** – II в. н. э.; **Кесарийского** – V-VI в. н. э.; **Ибна-Халуина**, **Константина Багрянородного**, **Эвелия Челеби** – XVII в., **Семена Броневского**, **Хана-Гирея**, **Шоры Ноглюва**, **Леонтия Люлье**, **Умара Берсея**, **П.К. Услара**

– XIX в.; **Н.Ф. Яковлева** и **Д.А. Ашхамафа** – XX в. Говорится о трудностях создания алфавитов, орфографических правил и установления терминологии, многие из которых и сегодня являются проблемными.

Ключевые слова: младописьменные языки адыгов, о первоначальном территориальном единстве адыгов, их разделение на восточных и западных, развитие языка и литературы у восточных и западных адыгов.

© Н.Т. Гишев, 2019